

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО

ЖИВОЙ ТРУП

(Истинное происшествие)

Странная история произошла с одним рабочим. До того странная эта история, что, узнавши её, половина наших подписчиков, наверное, бросит пить.

Но не робей, дорогой подписчик! Бросить пить — это не так страшно. Автор, например, пивший в своё время всё, кроме керосина, тоже бросил эту вредную привычку. И ничего. Жить можно.

А рассказывал эту странную историю сам виновник — рабочий одной из ленинградских фабрик. Фамилию свою он просил не печатать. Стесняюсь, говорит. Ну, что ж — фамилию печатать не будем. А для красоты рассказа назовём его хотя бы Федя Жуков.

— Я пива теперь не пью,— сказал Федя Жуков.— Душа не принимает. Хотя учёные профессора и говорят, будто пиво очень даже полезно для организма и будто даже от него толстеет организм, но я с этим не считаюсь.

Конечно, учёный профессор выкушает стаканчик пива в обед да полстаканчика в ужин — ему и полезно, его организм и толстеет. А кто стаканами не считается, тому хуже пива нет ничего. А я, например, от пива в обморок падаю. И делаюсь всё равно как покойник. Дыханье даже у меня прерывается.

А раз в субботу пошли ребята пить. Пошёл и я.

Пили, пили. Только вдруг, после пятой, я ужасно окосел и сижу на стуле белый, скучаю. Ребята, конечно, просят:

— Федя, Федя...

А ихний Федя рот раскрыл и не отзывается. Извинились ребята перед народом за слабость организма, взяли меня под руки и отвезли домой. Положили дома на кровать, а на кровати мне хуже. Жёнка чересчур испугалась, обтирает мне кожу мокрыми тряпками, а я сомлел и лежу что статуя. Жёнка пальто накинула и к врачу.

Коммунальный врач приходит. Осмотрел меня и говорит:

— Что-то, говорит, у него в организме от пива заскочило. Кишка, может, на кишку зашла. Везите его в больницу. Там разберут.

Ну, отвезли меня в больницу. А дальше я ничего не помню. Как стена железная опустилась передо мной. Только просыпаюсь я от холода и голода. Проснулся. Кругом темно. Почему, думаю, темно? За какое самое это темно? Что, думаю, за пустяки? Где

ж это я такое? Сел. Смотрю: сижу на досках голый, а на ноге номерок 17. А кругом не то больные свалены, не то не поймёшь что, не то покойники.

До чего я сомлел, до чего испугался! Где ж это я, думаю? За какое это самое номерок-то у меня на ноге? Или, думаю, я скончался. Или, думаю, врачи обмишурились. Или, думаю, я от пива в обморок свалился, а меня за покойника приняли.

Ах, думаю, да! Ах, думаю, ну! Хочу спичку чиркнуть, осмотреться. Хлопс за карман. А кармана нету — одна нога голая. Хлопс за гимнастёрку — живот голый.

Человек я, конечно, очень храбрый, отчаянный даже, а тут, ничего не скажу, оробел. И сижу на досках голый. Только вдруг слышу — возле двери в коридоре кто-то ногами чиркает. И после берётся за ручку и открывает дверь. Ах, чего, думаю, мне делать? Может, это сторож идёт. Не испугать бы мне его. Тоже в темноте встанешь или крикнешь — помрёт с перепугу. Ах, чего мне, думаю, делать?

А дверь сию минуту открылась, и входит сторож. С небольшой такой седоватой бородкой, в картузе.

Ах, чего, думаю, мне делать? И сам, чтоб не испугать напрасно гражданина, не двигаюсь и не кричу и руками не машу, а только тихонечко через губы «тс» делаю. А сторож как услышит «тс», как завизжит собакой, как свалится на корячки собакой, как попрёт к двери.

Ах, думаю, ну! Испугал человека. Теперь, думаю, безразлично.

— Стой, кричу, братишка! Не пугайся! Это я — Федя!

Выбежал я за сторожем, бегу — номерок по ноге хлопает. А сторож оглянулся назад — как припустит тёку. Бегим по коридору — народ с перепугу мухами валится. А мне хоть бы что. Добежал я до какой-то комнаты. Свалился.

— Братцы, говорю, это я — Федя Жуков! Живой...

Положили меня на кровать, вина стали давать. А я вина не принимаю.

— Нету, говорю, будет. Не пью и в рот хмельного не беру.

Так и бросил пить.

А сторож — ничего, отдышался. И даже приходил меня смотреть. Даже мы с ним подружились и выпили по бутылочке портера.